

Среда, 2-го июля 1914 г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

Среда, 2-го июля 1914 г.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 151

ПОДПИСКА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕПЫСКОЙ.

Въ годъ 8 р., въ 6 м. 4 р., въ 3 м. 2 р. 25 к., въ 1 м. 80 к.
Въ губерны посыл.

Подписка «Русское Слово» и «Утренняя Звезда» посылается по почте в виде абонемента и производится разновременно на основании вносимых уведомлений съ доставкой на дом посылкой—50 к., съ пересылкой на иностранных почтах по желанию посылкой—75 к., въ томъ же порядке посылка посылкой—25 к., въ томъ же порядке.

РЕДАКЦИЯ:
МОСКВА, Тверская ул., д. 7-82 Н. Д. Сытина.
Телефоны № 381-00

Редакция для приема объявлений—отъ 8 до 4 час.
Губернск. въ субботу, воскресеніи въ вечеръ, на воскресенье.

КОПИТОРА:
МОСКВА, Тверская ул., д. 7-82 Н. Д. Сытина.
Телефоны № 52-24 и 548-57.

Копировать отделятъ съ 9 час. утра до 4 час.
Телефонъ телеграфна № 15-33.

ОБЪЯВЛЕНИЯ: Впервые выдана—1 л., вторично—50 к. на страницу в неделю.
Стороннимъ сообщеніям—1 р. 50 к.

Принимать и выд. вчерашній номеръ—75 к. на день или посылкой на почте 3-го класса.

№ 151

ЦЕНА. № 151. МОСКВА 3 К. 7 рубл. 50 коп. и въ остальныя 3 К.

ПАМЯТИ А. Д. ЧЕХОВА.

1904—2-го июля—1914.

Въ домѣ Чехова.

Домъ этотъ вездѣ Антона Павловича по ногѣ вѣсти на балкона своего литературнаго дома. Его звали съ улицы, тѣмъ же собралась глянцевая толпа и безпокойна большого писателя. Теперь съ ногъ бы не выскочилъ изъ двѣдливыхъ глазъ улицы,—изъ эти досить зѣвъ все здѣсь зѣрало писателемъ и держалки. Въ-изъ вѣстивъ его медаль самий дѣтъ.

Милый домъ милый глянцевый по-дѣтъ на дворикъ, уютныйя градостъ. Въ стѣнахъ улицы привлекательна фантомъ, на которыхъ похвѣдывае душемъ и вѣнчикъ прудутъ. Въ этой кузбѣ жилъ Чеховъ, когда домъ еще не-былъ построена.

Большую часть года чеховскій домъ пустъ. Живетъ въ немъ только садочникъ Павелъ, подерживающій садъ. Теперь здѣсь находится престарѣлая матушка Антона Павловича, Е. Я. Чехова, его сестра, М. П., и родственница.

Въ другія чеховскія комнаты все пошло Чеховина. После отъѣзда укрѣпленнаго писателя за границу оставалось дакъ время въ этихъ другъ комнатахъ, и вѣдѣннѣ въ снѣннѣ за-стать на 27-хъ мая 1904 года. На письменномъ столѣ лежатъ послѣдняя проколафта и нераспечатанные преискурранты садовыахъ рѣстскій съ адресомъ Чехову-садоводу. Въ снѣннѣ есть вѣстѣ илличитѣлнннѣ «Историческій Вѣстникъ» за 1904 годъ; это—последняя книга, которую читалъ Антонъ Павловичъ. Все такъ живо, только случилось вчера. И кажется, что Чеховъ только сейчасъ вышелъ изъ комнаты и скоро опять придетъ...

Вездѣ чистота и порядокъ. На всѣхъ лажитъ печать любви и заботливой руки, близкаго Чехову человека, сумѣвшаго оторвать нѣкъ, комнаты писателя въ нѣкъ вѣтронутыхъ нѣдѣ.

Въ нѣннѣ кабинета—милый диванъ въ бѣлнѣ чепчакъ. Тутъ въ уютномъ лѣблѣ сидѣть и думать Чеховъ. Вѣдунки вѣнннѣ. Точно писатель только что всталъ съ дивана и вѣдѣннѣ къ столу, откуда вѣдѣннѣ кружечекъ вѣрд.

Кабинета, это—нѣкъ Антона Павловича, въ портретахъ и рѣнннѣ вѣнциахъ. Комната нѣбѣтъ нѣкъ сѣдѣта, вѣнннѣтъ нѣкъ другъ снѣкъ, но снѣнннннѣ тежннѣ портѣрѣ устаннннѣ къ нѣкъ нѣнннѣ нѣнннѣ нѣнннѣ нѣнннѣ.

И нѣкъ среди портретахъ вѣннннѣ къ Чехову нѣннѣ.

Какъ много людей танулось къ нему съ любовью и любовью!

Белый вѣннннѣ Чеховъ сидѣтъ въ группѣ Голландъ, Вѣннннннѣ, старика Сабина и другннѣ снѣнннннѣ снѣнннннѣ снѣнннннѣ Милннѣ.

На другннѣ фотографннѣ помнннѣ отъ бѣлнннѣ драматургъ Чеховъ снѣннннѣ, точно вѣннннѣ, артистахъ Иудннннннѣ нѣнннѣ театръ.

Дѣлѣ нѣннѣ бѣнннѣ къ Чехову Грагорнннѣ, Вѣнннннѣ, Вѣннннннѣ.

Комната оставалъ въ кабинетѣ рѣднннѣ снѣ чепчакъ, кружечекъ своей нѣннннѣ дѣннѣ. Тутъ его портреты и картинннѣ. Въ послѣдннѣ годъ снѣннѣ нѣннѣ художнннѣ вѣнннѣ у Чехова снѣннѣ и на вѣнннѣ нѣнннннѣ русскннѣ вѣнннѣ.

Любнннннѣ вѣннѣ фотографннѣ съ трогательнннѣ нѣнннннѣ. Дѣлѣ нѣннѣ нѣнннѣ. Вѣннѣ нѣннѣ нѣннѣ... Зѣннѣ снѣннѣ вѣнннѣ снѣнннѣ. Молодая Комнннннннѣ снѣннѣ и Иорданъ, Молодой Горннннѣ, съ снѣннѣ на вѣнннѣ. Молодая Стнѣннннннѣ, Владъ М. Вѣннннннѣ-Днѣннннѣ, Вѣннннннѣ и др. Дѣлѣ снѣннѣ днѣннѣ нѣнннннѣ въ этой нѣннѣ нѣнннннѣ русскннѣ вѣннннннѣ. Тамъ Тамъ вѣнннннѣ нѣнннннѣ снѣннѣ снѣннѣ нѣннѣ.

Въ нѣннѣ нѣнннннѣ нѣннннннѣ фотографннѣ снѣнннннѣ въ вѣнннѣ нѣнннннѣ и вѣннннннѣ снѣнннннѣ къ нѣннѣ нѣннѣ.

лодой милага, влюбив, сама. Это не- и
известное злое. Чехова купила для- чед
то эту картинку, и она послужила пуб
ему как бы моделью его «Архипела».

А дальше идут родные люди и
родные места. Картины умершего брата
Николая, рисунок тушью отца,
домъ въ Мелеховъ...

Изъ вещей—длинный образъ съ над-
писью на оборотѣ:

«Отъ благодарныхъ крестьянъ села
Новоселки и деревень Литарской, Ку-
ринской и Бульманской, благодетелю
и учителю Антону Павловичу Чехову».

Она устроила въ этихъ селенияхъ
Московской губернии три школы.

Маленькій шкатульчикъ съ классикомъ.
Корабликъ—подарокъ алтайскаго гим-
назиста. Ларцы. Халатикъ О. Л. Книш-
пера, расшитый Чеховымъ на дер-
новой ручкѣ, и доломанъ платокъ. Сте-
кланную ваху подарилъ Чехову В. А.
Гиларовскій.

«Простите мнѣ не курить»,—за-
писка, набранный въ какой-то моск-
овской гостиницѣ тапеграфинъ и присла-
нный Чехову тѣмъ же Гиларовскимъ.

Свадьбу Чехова заключаетъ, когда при-
ѣзжаетъ, его супруга—артистка Ху-
домественнаго театра О. Л. Книшперъ.
Во и въ ней чужескій моралью
ничѣмъ не нарушаетъ. Все остается
такъ, какъ было десять лѣтъ назадъ.

Ложка галстуки Антона Павловича,
несить сапожки, въ которыхъ онъ
ездитъ свои платки, чтобы не зара-
зить домашнихъ туберкулезомъ, сто-
ять славнымъ отъ дѣларетъ.

Сходить съ М. П. Чеховой по дѣст-
веннѣ жить. Тамъ есть саблоская
комната, называемая Пушкинскою, съ
большимъ портретомъ поэта. Эта ком-
ната для прѣзжихъ. Въ ней почтала
многѣ изъ нашихъ известныхъ пи-
сателей. Когда Горькій жилъ въ Олен-
гѣ, и ему было запрещено въѣз-
дъ въ Пету, то онъ останавливался у
Чеховыхъ въ «Пушкинскую комнату».

Антонъ, гдѣ стоитъ чужескій домъ,
тогда еще не входила въ черту го-
рода.

Выходимъ въ тихий садъ. Это—
любимое дѣтство Чехова, источникъ
радости большого писателя. Здѣсь ка-
ждый кустикъ посаженъ имъ. Сидимъ,
черешни, веренки, алыча изъ алычъ.
Все это теперь густо разрослось и
тѣнитъ къ себѣ. Гордость Чехова
были принадлежала шелковица, каль-
валя и донесы.

— Наша любимая статья,—говоритъ
онъ, шутя, о донесать.

Но, конечно, изъ сада Чехова не
продано ничего.

Въ самомъ углу сада стоитъ дере-
вообразная скамейка. Дерево посадила
Катерина Яковлевна, мать писателя. Че-
ховъ любилъ эту скамейку. Здѣсь онъ
не уходилъ съ узами.

Садъ содержится прекрасно. Все че-
ловекъ посаженъ растутъ. Персональ
деревья надо бы рубить (ихъ выру-
бають черезъ каждыя 8 лѣтъ и на-
саждаютъ новыя), но Марія Павловна
говоритъ:

— Залъ рубить. Деревья посажены
Антономъ Павловичемъ.

Выходимъ къ поѣду. На двери—
гигантскій градусникъ (градусники были
слабыми Чехова) и вѣдла дождя
съ именемъ писателя.

Намъ въ вѣдлахъ присутствіи со-
хранили картинку того, что назы-
вается Чеховымъ. Тѣмъ времени ко-
нуса одѣтъ знамениты: ихъ без-
помяну точить солнце. А въ осталь-
номъ чужескій домъ такой же, ка-
кой былъ—десять лѣтъ назадъ.

Слово и не было этихъ дѣл-
ныхъ и тяжелыхъ досады лѣтъ...

Обязатель далъ Чехову массу томъ
для разсказа, но всю жизнь без-
помянулъ его. Большому писателю не-
удалось было поехать на балкона, не-
удалось пройти по саду. Его всюду
преслѣдовали обязатель.

Но попустусть онъ преслѣдовать его
и теперь, уже послѣ смерти, когда
земля пришла днѣ Чехова отъ любо-
пытныхъ взглядовъ Аутской улицы.

Въ конкѣ рукъ грубо писано
одной провизіальной учительницы.

«Чеховъ принадлежитъ Россіи,—пи-
шетъ она,—а мы... мы не позволимъ
никъ его покинуть!».

Эти, клеветническія слова шир-
лины по адресу родного Чехову че-
ловѣка, сохраняющаго Россіи его домъ
и его комнаты.

Обязатель не точить писать, что
съ домомъ Чехова принадлежать, обя-
зано къ Россіи, «спиритуализмъ». Чеховъ
принадлежитъ Россіи, Чехова чтутъ и
любятъ малыми людьми, но домъ его
да снѣгъ поръ—частная собственность
родитъ.

Естественно по нати чужескѣмъ пре-
ходить къ нему и требуютъ писа-
вать имъ письма писателя и рас-
сказать о немъ. И ни у кого не
отнять лица не является мысли, что
они вѣдуть въ чужій домъ и тре-
буютъ невозможнаго.

Насте не думаетъ о томъ, что
престарѣлая, большая мать Чехова ивѣ-
сть право на покой, а сестра его
живетъ физическаго удовольствія удо-
влетворять, любящими всѣмъ маси
людей.

На двери криваго чужескаго угла
всегда размѣщаются бурная сцена.

— Садъ посмотрите, а донѣ вѣдла.

— прераклетъ нуть садоникъ Нашъ.

— Насому вамъ вѣдла.

Разумный чужескѣмъ поиметь, а
обязатель начинать громко возму-
диться.

— Чеховъ принадлежитъ Россіи...

Какъ же вы нѣтъ не пойдете въ его
комнаты?

— Магушка Чехова болела, Марія
Павловна ивѣ днѣ.

— Но я за тысячу верстъ прѣзжалъ!
Я люблю Чехова и хотѣлъ увидѣть
его комнаты. Какое мнѣ дѣло до его
магушки и сестры!

И все дѣла обязатель переносится
на родномъ Чехова.

Вора прераклетъ эти тѣмъ для
балкона къ Чехову днѣмъ и оскорб-
ительныя для его памяти сцена.

Чеховъ принадлежитъ Россіи. Его
домъ и комнаты должны быть общи-
ественной собственностью.

Это совладать съ желаніемъ семьи
Чехова, для которой «спиритуализмъ»
кажется естественномъ нравственнаго
нужа.

Одно время была мысль сдѣлать въ
Чеховскомъ домѣ санаторій для врачей

и литераторовъ съ тѣмъ, чтобы двѣ чеховскія комнаты были отращены для публики.

Были и другія предложенія.

Собрались свиданія иль близки къ Чехову лица театральнаго и литературнаго міра. Но ничего иль стили свиданій не вышло.

Вопросъ этотъ рѣшить надо. Рѣшить его просто, такъ какъ семья Чехова ищетъ выстрѣлу общественной мысли.

Пусть въ память достижетъ се дня смерти Чехова осенью этого года соберутся въ Москвѣ близки къ покойному писателю лица и учрежденія и ширѣе съ представителями отъ разныхъ общественно-просвѣтительныхъ обществъ образуютъ, по примѣру Толстовскаго общества, Чеховское общество, которое и устранивъ почальное и общаго «подразумѣнаго».

А. ПАМРАТОВЪ.

Лета.